

Сальников Е.В.

доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-философских дисциплин, ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова».

Salnikov E.W.

Doctor of sciences (philosophy) PhD, associate professor, chief of chair of social-philosophical disciplines, Orel Law Institute of the Ministerium of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov.

Революция между крайностью и умеренностью: политико-философский анализ

Автор статьи обращается к анализу одного из аспектов проблемы революции. Он указывает на то, что революционные изменения могут быть как насильственными и крайними, так и умеренными, связанными с допустимым насилием. Опираясь на работы ряда философов, он анализирует принципы оправдания революционного насилия и признания его допустимости. Автор указывает на то, что предлагаемые положения не исключают субъективизма оценки и потому могут привести к двойным стандартам в трактовке явлений социально-политической жизни.

Ключевые слова: *революция, насилие, умеренность, крайность, политическая философия.*

Revolution between extreme and moderation: political and philosophical analysis.

The author of the article refers to the analysis of one of the aspects of the revolution. He pointed out that revolutionary change could be both violent and extreme and moderate, linked to permissible violence. Based on the work of a number of philosophers, he analyzes the principles of justification and acceptance of revolutionary violence. The author points out that the proposed provisions do not exclude the subjectivity of evaluation and therefore can lead to double standards in the interpretation of the phenomena of social and political life.

Keywords: *revolution, violence, moderation, extreme, political philosophy.*

Встречи философского семинара «Мировоззренческие поиски современности» в 2017/18 учебном году начались докладом В.Н. Финогентова «Мировоззренческая революция как императив современной эпохи», который во многом стал программным изложением широкого спектра тем и проблем, обсуждавшихся на тематических встречах в течение всего года. Центральным смысловым элементом семинара, как представляется, в этом отношении выступал замысел понимания сути революции как мировоззренческого феномена. Надо признать, что поставленная в таком ключе проблема

предстает крайне актуальной в силу многогранности концепта революции, который продолжает разрастаться, обнажая все новые и новые грани данного явления.

Следует отметить, что вопрос о сущностном содержании и особенностях трансформации феномена революция уже неоднократно становился предметом научных изысканий. Так, следует отметить классические труды по теории революции П.А. Сорокина [12], Ш. Эйзенштадта [15], Х. Арндт [2] и ряда других. Достаточно интересными представляются исследования отдельных аспектов революции, специфики изменения ее форм, иных вопросов, осуществленные в работах Э.Э. Шульца [14], А.Б. Голобородько [6], С.Г. Алёнова [1], А. Умланд [13], А.В. Манойло [8], Е.Г. Пономаревой, Г.А. Рудова [10], Д.Н. Смирнова [11] и ряда других.

В целом ряде работ выявлялись достаточно разнообразные по своим характеристикам социальные и политические процессы и явления, относимые к числу революционных. В собственном смысле, то есть без ретроспективного применения данного термина к историческим событиям, о революции как феномене социально-политической жизни ориентировочно можно говорить с начала эпохи Нового времени, когда, как указывает Х. Арндт, мы отмечаем употребление термина революция для обозначения достаточно разнообразных социально-политических процессов, явлений, событий XVII и XVIII веков, приводящих к резкому изменению политического строя и государственного устройства, но при этом достаточно разнообразных по своему протеканию, в том числе по его трактовке как насильственного или ненасильственного (Славная революция 1688 года в Англии) изменения политического строя.

В последующие эпохи разнообразие форм и проявлений революции стало еще более значительным. В этом смысле следует указать на социалистические революции начала XX века и консервативные революции первой трети XX века. Еще больший раздор в понимание сути революции внесли так называемые «цветные» революции конца XX – начала XXI веков. Этот термин получает устойчивое употребление после событий «Революции роз» 2003 года в Грузии, закончившихся свержением режима Шеварднадзе и установлением режима Саакашвили. К цветным революциям относят «Жасминовую революцию» в Тунисе 2011 года, которая запустила целую цепь революций в арабском мире, получившую название «арабская весна» и включившую удавшиеся и неудавшиеся революции в Египте, Ливии, Бахрейне, Иордании, Йемене, Сирии. Такая же цепь революций, разумеется, со своими отличиями и национальными особенностями, имела место на постсоветском пространстве после «Революции роз» в Грузии. 2004 г. — «Оранжевая революция» на Украине; 2005 г. — «Тюльпановая революция» в Киргизии; 2005 г. — попытка «цветной революции» в Узбекистане; 2008 г. — попытка «цветной революции» в Армении; 2009 г. — «цветная революция» в Молдавии; 2010 г. — «Дынная революция» или вторая «цветная революция» в Киргизии; 2013–2014 гг. — «Майданная революция», или вторая «Оранжевая революция», на Украине.

При всем многообразии дискутируемых аспектов подобного неоднородного явления в рамках настоящей статьи хотелось бы остановиться на полемическом обсуждении понимания революции в рамках антитезы крайность — умеренность, которая была сформулирована в рамках новоевропейской политической философии.

До эпохи Нового времени социальные потрясения, приводящие к социально-политическим трансформациям, которые даже и не носили революционного характера, устойчиво трактовались как крайние в смысле несоразмерно жестокие, связанные с нелегитимным насилием. Показательным примером в этом отношении выступает Великобритания. Волнения и потрясения времен Генриха VIII, многообразие насилия в эпоху Елизаветы I и даже потрясения 40-50 годов XVII века, яркими воплощениями которых были казнь Карла I, Гражданские войны и правление Кромвеля не предлагают нам какого-либо нового смысла крайности, кроме превышения нормы. Крайность связывалась с наивысшей жестокостью, наибольшим накалом противостояния, но не имела самостоятельного значения. Ситуация в корне меняется уже спустя полвека, когда в британском парламенте за представителями партии вигов прочно закрепляется обозначение — радикалы, то есть — крайние.

Обратим внимание, что в отличие от всех прочих эпох здесь категория «крайность» приобретает новое самостоятельно значение. Виги были крайними не в силу исключительности какого-либо сотворенного ими насилия, но в силу исключительности их требований проведения парламентской реформы. Крайность определялась либеральным настроением британских политиков, выступавших за гражданские права, социальное равенство, свободу и демократию. Здесь на смену противопоставления умеренность — крайность приходит контрапозиция крайность — центр.

Еще с большей ясностью эта новая контрапозиция наблюдается в конце XVIII века во Франции. В революционном Конвенте мы видим четкую структурированность политики на центр и два политических края — правых и левых. Их крайность уже не означала исключительность. В центре, например, могли находиться политические деятели, в гораздо большей степени осуществлявшие насилие, чем их крайние оппоненты.

Как правильно отмечает Н.В. Плотичкина, «право-левое» деление в Национальном собрании Франции «связывалось с известными категориями «умеренный» и «крайний»: подразумевался левый и правый экстремизм (“*extrémitégauche*”, “*extrémitédroite*”)» [9, с.41]. Это указывало на то, что параллельно старому смыслу, в рамках которого крайность респондировала к умеренности, появлялся и новый смысл, в рамках которого крайность респондирует к центру, но содержание последнего отнюдь не тождественно умеренности.

Так, среди левых наиболее категоричные требования формулировали сторонники Робеспьера, а впоследствии Бабефа. За ними закрепляется уже использовавшийся в политике термин «радикалы», для указания на то, что здесь в наибольшей мере нарушена мера, но сами левые были крайними

безотносительно какой-либо мере. Это легко проиллюстрировать на примере той разницы, которая пролегла между французскими радикалами (например, Бабефом) и английскими радикалам — вигами. Признаем, что требования вигов в рамках существовавшего в то время в Британии политического строя получали отрицательную оценку, они вели к конфронтации и способствовали повышению уровня конфликтности. В этом смысле можно увидеть некую близость их к Робеспьеру и Бабефу, но признаем, что подобное общее будет слишком призрачным. Там, где виги дискутировали в парламенте, Марат и Робеспьер убивали своих политических противников.

В этой связи гораздо более правильным будет заключить, что категория крайности применительно к данным субъектам используется не в сравнительном смысле, а в качестве самостоятельного указания на социально-политическую позицию. На место противопоставления мера — крайность приходит контрапозиция центр — край. При этом содержательное наполнение этих позиций остается очень и очень подвижным.

В это время совершенно не случайно активное употребление получает термин «террор» для обозначения убийства политических деятелей. Террору контрреволюционному Робеспьер противопоставляет террор революционный. Наблюдаемое терминологическое замещение политического убийства террором не является малозначимой случайностью. Это изменение наименования подчеркивало утверждение края политики. Насилие крайних теперь обозначается как террор, а не просто насилие.

Подтверждение этому мы находим в доктрине Бабефа, в рамках которой одно из центральных мест отводилось насилию, осуществляемому «тайной директорией» с целью свершения революции. Основной замысел состоял в организации заговора «революционного меньшинства», внезапное выступление которого с целью захвата власти должно было привести, как они считали, к народному восстанию и свержению существующего строя. «Тайная директория» должна была сыграть роль «освободителя» всего народа. Она скрытно готовила «день справедливого и спасительного террора» — свержение «узурпаторского» правительства [5].

Итак, в эпоху Нового времени применительно к насилию на социально-политическом пространстве термин крайность начинает использоваться в новом самостоятельном смысле. Насилие отмечается как в центре, так и на краю социально-политического пространства, но насилие крайних преподносится уже как особое насилие.

Углубление данных тенденций отчетливо видно в трансформации, которую претерпевает содержательное наполнение «центр» в рассматриваемой контрапозиции. На заре эпохи Нового времени большинство мыслителей связывали свое видение центра политической жизни с умеренностью. Это в определенной мере сохраняло старое видение крайности как нарушения меры.

Так, Э. Берк в критическом анализе Французской революции свою негативную оценку основывает как раз на том, что вся революция была ненужной крайностью. Он отрицает наличие взаимосвязи между

революционными либеральными завоеваниями в Великобритании, ее парламентаризмом и политической системой в целом и французским вариантом революции. Водоразделом в этом является отказ от умеренности.

«Умеренность, — пишет Э. Берк, — защищает от воспаленного зла, жестокости, непродуманности, неумелого реформаторства и делает неосуществимыми все усилия деспотической власти» [3, с.112]. При этом под умеренностью Э. Берк понимает последовательность политических решений, тщательное, всестороннее обдумывание политического выбора, отказ от реформирования, направленного на изменение основополагающих принципов социального бытия.

Д. Беркли в работе «Алсифрон, или Мелкий философ» утверждает центральное положение умеренности, рассуждая о пользе для государства умеренного, добродетельного стиля жизни в сравнении с пороками. Пороки, как крайности, лишь по видимости полезны для экономики государства, доказывает Беркли. На самом деле: «Добродетельный женатый человек с многочисленным здоровым потомством, который кормит и одевает сирот своего района, скорее послужит развитию промышленности своих соотечественников, чем модный городской повеса» [4, с. 412].

Беркли вообще возносит умеренность в ранг обычаев высшего класса, то есть тех, кто подлинно участвует в политической жизни. «Разве не является умеренность в обычаях [у людей] высшего сословия? — риторически вопрошает Беркли» [4, с. 477].

Д. Юм в своем исследовании о принципах морали уделяет вопросам политического центра и крайности достаточно большое внимание. Философ негативно оценивает крайности. Он упоминает религиозных фанатиков времен гражданских войн, говорит и о политических фанатиках, к которым причисляет левеллеров, требовавших равного распределения собственности. Последствия их действий, убеждает мыслитель, способны породить лишь ужас, но никак не счастливое человеческое общество.

Любая социальная крайность, такая как чрезмерная бедность или чрезмерная роскошь опасна для общества, считает Д. Юм. «Обычное состояние общества находится посреди всех этих крайностей» [16, с. 228], — заявляет философ, утверждая контрапозицию центра и крайности и отдавая центру пальму первенства.

Между крайностями общественно-политической жизни Д. Юм полагает умеренность, понимаемую, прежде всего, как справедливость. Раскрывая это положение, Юм пишет о справедливости не только как воздаянии по заслугам, но и как о благожелательности, «тенденции содействовать интересам человеческого рода и приносить счастье человеческому обществу». Общественный порядок и семейная гармония — вот черты умеренности.

Юм подчеркивает, что отступление от умеренности и справедливости даже в тех деяниях, которые на первый взгляд являются положительными и общественно полезными, приводит к негативным для общества результатам. Так, чрезмерное поощрение может приводить к праздности и разврату, убийство узурпатора или тирана может вызвать одобрение в массах, но на деле

это приводит к росту подозрительности и жестокости власть имущих, а значит, пагубным образом сказывается на обществе. Именно поэтому, утверждает Юм, пример Брута не может расцениваться как положительный.

Юм категоричен в том, что никакие цели не могут служить оправданием для отступления от умеренности, и нарушение справедливого порядка вещей всегда приведет к негативным результатам. «Фанатики могут допускать, — пишет Д. Юм, — что владычество основано на божьей милости, и что только святые владеют земным царством, но гражданские власти совершенно справедливо ставят этих утонченных теоретиков на одну доску с обычными разбойниками и учат их посредством строжайших наказаний тому, что правило, которое с умозрительной точки зрения может казаться в высшей степени выгодным для общества, на практике может, однако, оказаться совершенно пагубным и губительным» [16, с. 253].

По мере развития новоевропейской цивилизации на смену этим антропометрическим характеристикам политического центра приходят иные, качественно изменяющие сам смысл «крайности». Так, уже Д. Локк помещает в пространство политического центра власть, которая основывается на законе, воплощает в своей практике естественные права и свободы человека. Для Локка центр уже не абстрактная умеренность, а государство, основанное на общественном договоре, утверждающее в реальной жизни естественные права и свободы человека, обладающее конституцией.

Центральное положение правового конституционного государства либерального толка для Д. Локка является столь основополагающим, что именно на нем основывается разграничение допустимого насилия революции и недопустимого революционного насилия, т.е. крайнего — мятежа. Революция, по его мысли, не будет крайностью, если власть демонстрирует забвение естественных прав, произвол со стороны тех, кому народ отдал часть своей свободы во имя общего блага. Здесь насилие становится естественным правом народа для восстановления подлинного общества. Допустимость революции здесь означает, что применение насилия в этом случае уже не будет крайностью.

В противоположность этому мятежники — это те, «кто силой нарушают законы и силой же оправдывают свое нарушение» [7, с. 393]. Здесь насилие становится неким иным насилием, чем насилие в пространстве политического центра. Крайность формируется революционным насилием тех, кто посягает на естественные права и справедливый конституционный порядок, порожденный общественным договором. Такая революция получает негативную оценку.

Признаем, что подобный взгляд на революцию и революционное насилие в рамках противостояния крайности и умеренности сохраняет свою актуальность и сегодня. Зачастую оценки тех или иных событий как событий допустимого революционного насилия и недопустимого насилия мятежников осуществляются с выше обозначенных теоретических посылок. При этом очевидная возможность субъективизма в оценке и произвольности трактовки

порождает двойные стандарты, что увеличивает нестабильность и заставляет признать не вполне оправданной такую трактовку.

Список литературы

1. Аленов С.Г. «Консервативная революция» в Германии 1920-х – начала 1930-х годов: проблемы интерпретации. //Полис. Политические исследования. 2003 - № 4- с. 94-107.
2. Арндт Х. О революции. – М.: Европа, 2011. – 237 с.
3. Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. - М.: Рудомино, 1993. – 145 с.
4. Беркли Д. Сочинения. - М.: Мысль, 2000. - 522 с.
5. Буонаротти Ф. Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа. - М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 89 с.
6. Голобородько А.Б. Консервативная революция: контрпросветительский модерн. //Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2010. - № 13. – С. 27-33.
7. Локк Д. Сочинения в 3 тт. - М.: Мысль, 1985. – 394 с.
8. Манойло А.В. Украинский кризис и «управляемый хаос»: след «цветных революций» арабской весны. //Власть. 2014. № 4. С. 24-28
9. Плотичкина Н.В. Экстремизм VS демократия в научных исследованиях германских политологов // ПОЛИТЭКС. - 2008. - № 4.
10. Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. «Цветные революции»: природа, символы, технологии. //Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2012. № 3 (266). С. 36-48.
11. Смирнов Д.Н. Цветные революции и проблема легитимности. //Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 76-1. С. 325-328.
12. Сорокин П.А. Социология революции. – М.: Астрель, 2008. – 784 с.
13. Умланд А. «Консервативная революция»: имя собственное или родовое понятие? //Вопросы философии. – 2006. - № 2. – С. 116 – 126.
14. Шульц Э.Э. Революция: к вопросу об определении термина. //Социс. - 2014 - № 4. – 132-143.
15. Эйзенштадт С. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 416 с.
16. Юм Д. Сочинения. В 2 тт. Т. 2. - М.: Мысль, 1965. – 462 с.

References.

1. Alenov S.G. «Konservativnayarevoljuciya» v Germanii 1920-h – nachala 1930-h godov: problemyinterpretacii. //Polis. Politicheskieissledovaniya. 2003 - № 4- s. 94-107.
2. Arendt H. O revolyucii. – M.: Evropa, 2011. – 237 s.

3. Berk EH. Razmyshleniya o revolyucii vo Francii zasedaniyah nekotorykh obshchestv v Londone, otnosyashchih k ehtomusobytiyu. - M.: Rudomino, 1993. – 145 s.
4. Berkli D. Sochineniya. - M.: Mysl', 2000. - 522 s.
5. Buonarotti F. Zagovor vo imyarenstvakh, imenuemykh zagovorom Babefa. - M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. – 89 s.
6. Goloborod'ko A.B. Konservativnaya revolyuciya: kontrprosvetitel'skij modern. // Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta. – 2010. - № 13. – S. 27-33.
7. Lokk D. Sochineniya v 3 tt. - M.: Mysl', 1985. – 394 s.
8. Manojlo A.V. Ukrainskij krizisi «upravlyaemyj kaos»: sled «cvetnyh revolyucij» arabskoj vesny. // Vlast'. 2014. № 4. S. 24-28
9. Plotichkina N.V. EHkstreizm VS demokratiya v nauchnyh issledovaniyah germanskix politologov // POLITEHKS. - 2008. - № 4.
10. Ponomareva E.G., Rudov G.A. «Cvetnyaya revolyucija»: priroda, simvoly, tekhnologii. // Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel' - Observer. 2012. № 3 (266). S. 36-48.
11. Smirnov D.N. Cvetnyaya revolyucija i problema legitimnosti. // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2008. № 76-1. S. 325-328.
12. Sorokin P.A. Sociologiya revolyucii. – M.: Astrel', 2008. – 784 s.
13. Umland A. «Konservativnaya revolyuciya»: imyasobstvennoe ili rodovoe ponyatie? // Voprosy filosofii. – 2006. - № 2. – S. 116 – 126.
14. Schulc E.E. Revolyuciya: k voprosu ob opredelenii termina. // Socis. - 2014 - № 4. – 132-143.
15. Ejzenshtadt S. Revolyuciya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie civilizacij. – M.: Aspekt Press, 1999. – 416 s.
16. Hume D. Sochineniya. V 2 tt. T. 2. - M.: Mysl', 1965. – 462 s.